

Л.А.Косичев

Из чилийских записок собкора Московского радио

В годы правительства Народного единства в Чили автор работал корреспондентом Московского радио в этой стране. Он брал интервью у С.Альенде и писал репортажи, сопровождая президента по провинциям. Связанные с этим подробности сохранились в старых блокнотах журналиста и приводятся в публикуемом очерке. Читатель узнает также о том, как записывалось на репортерский магнитофон последнее обращение С.Альенде к чилийцам из осажденной путчистами «Ла Монеда», и как его удалось сохранить тогда в Сантьяго. Автор вспоминает о встречах с вдовой и дочерью Альенде, оказавшимися в изгнании после военного переворота. Любопытны страницы о передачах Московского радио для Чили в годы военной диктатуры, которые получили большой резонанс в этой стране.

Ключевые слова: Народное единство, Альенде, «чилийский путь», «Ла Монеда», переворот, радиопередача «Слушай, Чили!».

В 1972 г. в Сантьяго приехали известный политический обозреватель Виктор Шрагин и объехавший полмира кинооператор Виль Горемыкин. К тому времени я уже достаточно долго работал в Чили. Втроем мы должны были подготовить цикл передач для телевидения и радио о бурных событиях, сотрясавших эту далекую латиноамериканскую страну. В Советском Союзе был велик интерес к Чили, где впервые в истории на демократических выборах победил марксист с программой мирного перехода к социализму. Главой государства стал известный политик Сальвадор Альенде. Давний и харизматичный лидер Социалистической партии (Partido Socialista de Chile, PSCh), парламентарий с многолетним стажем, в последние четыре года он был председателем сената. Одержимый идеями социальной справедливости, Альенде искренне желал делать людям добро и наконец получил возможность попытаться осуществить это в масштабах всей страны.

ЧЕРНАЯ ИКРА ДЛЯ ЖЕНЫ ПРЕЗИДЕНТА

Перед отъездом В.Шрагина в Чили к нему обратилась испанка Анхела Гарсия, работавшая диктором латиноамериканского вещания Московского

радио. Она попросила передать письмо супруге чилийского президента Ортенси Бусси де Альенде, с которой была хорошо знакома. Раньше Анхела была замужем за чилийским дипломатом и, находясь в Чили, работала вместе с ней в предвыборном штабе Сальвадора Альенде.

Шрагин предложил вместе с письмом передать первой леди Чили в качестве подарка от Анхелы пару-тройку баночек черной икры, которые должны были ему выдать в «спецбуфете» Гостелерадио как представительские вместе с хорошей водкой или армянским коньяком. Анхела обрадовалась такой любезности, не догадываясь о далеко идущем замысле маститого журналиста. У Шрагина сразу мелькнула мысль: а не воспользоваться ли этим случаем, чтобы вместе с письмом и подарком передать через Ортенсию Бусси де Альенде просьбу к президенту об интервью для советского телевидения. Но случилось так, что в дни отъезда наших специальных корреспондентов из Москвы в «спецбуфете» не оказалось икры в маленьких баночках, какие обычно выдавались в таких случаях. Были только большие трехкилограммовые банки, намного превышавшие положенную квоту. Пришлось взять часть деликатеса и переложить его в обычную поллитровую банку и самым плотно ее закрыть. Драгоценный груз полетел через океан в ручной клади моих коллег. Их путь в Чили проходил через Каракас, где они «застряли» чуть ли ни на целый день в зале аэропорта для транзитных пассажиров, и в Сантьяго прилетели изрядно уставшими. Я встретил их, и черная икра, наконец, оказалась в холодильнике.

Мои гости не владели испанским языком, и мне пришлось взять на себя все заботы по организации встреч и съемок. На следующий день я позвонил в секретариат первой леди и, представившись, рассказал ее референту о приезде из Москвы известного обозревателя телевидения, который привез в подарок для Ортенси Бусси де Альенде письмо от Анхелы Гарсии и черную икру. Несколько минут ожидания, и я услышал в телефонной трубке голос жены президента. Она обрадовалась весточке от Анхелы и сказала, что мы можем приехать к ней сегодня во второй половине дня. Я спросил, не могли бы мы взять с собой кинооператора с камерой, чтобы побеседовать о роли женского движения в происходящих в Чили процессах. В ответ услышал: «Пожалуйста».

В назначенный час мы были в офисе первой леди и передали ей письмо вместе с московским деликатесом — «подарком от Анхелы». Черную икру нельзя было найти ни в одном чилийском магазине, и даже для президентской семьи это был приятный сюрприз. Жена президента поблагодарила нас.

Сняв на киноплёнку беседу с Ортенси Бусси де Альенде, мы извинились и спросили: «А не можете ли Вы нам взять интервью у президента?». Первая леди не удивилась нашему вопросу. Она сказала, что сегодня же вечером поговорит с мужем и завтра нам сообщат, возможно ли это.

Однако ни завтра, ни послезавтра нам так никто и не позвонил. Да и президент, которого постоянно можно было видеть по телевидению, эти два дня не появлялся на экране. «А может, с Альенде что-то случилось после нашей икры?» — высказал свое предположение кинооператор Горемы-

Сальвадор Альенде отвечает на вопросы журналистов

кин. Действительно, московский деликатес не был упакован с заводской герметичностью и находился вне холодильника около полутора суток, которые занял путь от Москвы до Сантьяго. Мог и испортиться за это время. Нас охватило не просто беспокойство, а легкая паника. На третий день утром я позвонил в секретариат Ортенсии Бусси де Альенде. Меня сразу с ней соединили.

— Извините, что до сих пор не связались с вами. Завтра Альенде будет на домостроительном комбинате, который сооружается советскими специалистами в окрестностях Вальпараисо. Президент хочет посмотреть, как идет строительство. С датой поездки окончательно определились только вчера вечером и решили, что он даст вам интервью там. Звоните его пресс-секретарю Фриде Модак. Она в курсе дела.

Первая леди спросила, нет ли у нас каких-либо проблем, и добавила:

— Еще раз спасибо за подарок от Анхелы. У нас был прекрасный семейный ужин с черной икрой. Восхитительный русский деликатес!

Мы вздохнули с облегчением, наши треволнения закончились. Казалось бы, едва ли какой-либо продукт со стороны может попасть в семью главы государства без специальной проверки. Но слишком уж все было демократично в окружении чилийского президента. Думаю, никакой проверки нашей черной икры не проводилось.

Мои коллеги, как и я, были рады, что сможем поговорить с Альенде перед камерой на домостроительном комбинате, подаренном нашей страной после землетрясения в Чили в июне 1971 г. Это стихийное бедствие огромной силы обратило в развалины много домов в городах и селах, унесло человеческие жизни.

На следующий день мы заранее приехали на стройку. Здесь собралось немало журналистов. Все мы следовали за Альенде, который в окружении

советских и чилийских специалистов прошел по всей технологической цепочке предприятия, спросил, не нуждаются ли строители в какой-либо помощи с его стороны. Ему ответили, что все идет нормально, по плану и даже с небольшим опережением. Президент явно не спешил покидать комбинат. Он решил подняться наверх по металлической лестнице. Его попросили надеть каску — таковы требования техники безопасности. Президент подчинился. Его интересовало все, и инженеры предоставили ему возможность запустить бетоноукладчик. Мы снимали эти необычные эпизоды и думали: когда же, наконец, президент вспомнит об обещанном интервью. Осмотр завершился, и Альенде в сопровождении своих помощников и руководителей комбината энергично направился к выходу. Мы решили, что президент забыл о нас и стали просить Фриду Модак, чтобы она ему напомнила. Но пресс-секретарь президента лишь с улыбкой развела руками. И вдруг у выхода, где стояла первая выпущенная заводом панель, Альенде остановился и размашисто написал фломастером по бетону: «Спасибо советским и чилийским товарищам». После этого он что-то сказал Фриде Модак, и она быстро подошла к нам со словами: «Президент готов дать интервью». Мы мгновенно включили камеру и магнитофон. Другие журналисты и специалисты комбината встали вокруг и стали слушать.

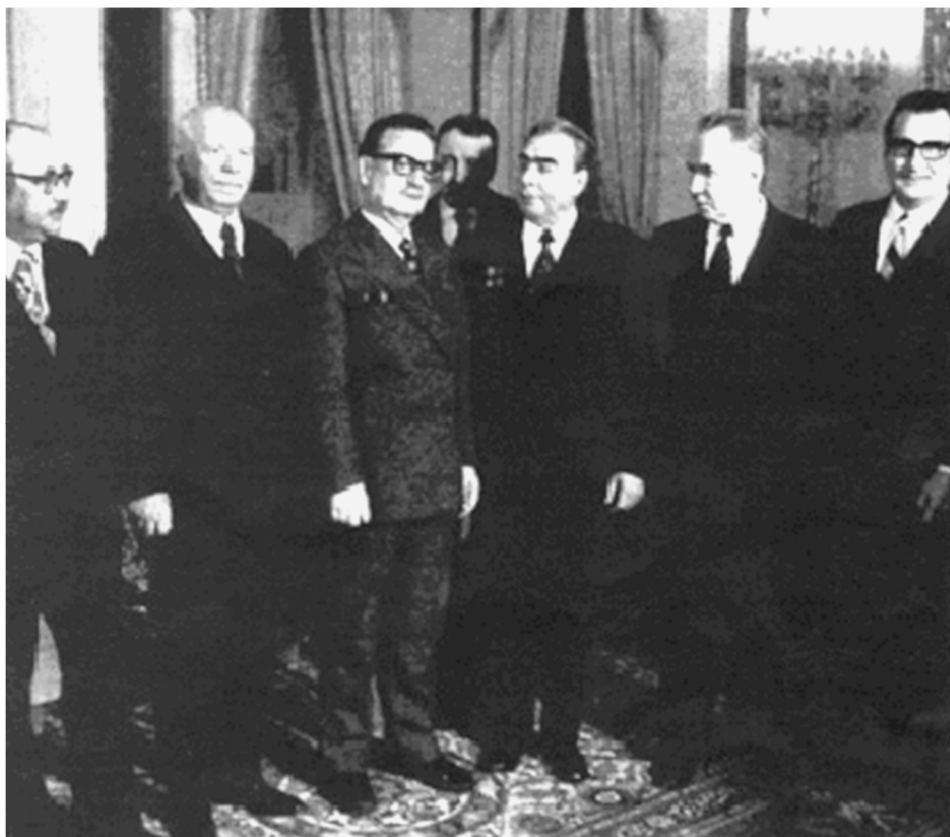
Альенде говорил о том, что тысячи чилийцев, оставшихся без крова после последнего разрушительного землетрясения, с надеждой и благодарностью следят за строительством комбината. «И после того, как залечим нанесенные стихией раны, — сказал президент, — мы будем помнить о дружеской помощи, которая пришла к нам в те трудные дни из далекой страны». Альенде послал теплые приветствия народу и руководителям Советского Союза.

На следующий день, к нашей большой радости, мы получили от правительственной службы информации приглашение сопровождать Альенде в его поездке по провинциям вместе с группой чилийских журналистов. При этом нам сказали:

— Сможете снимать и записывать на магнитофон выступления и беседы президента с людьми, сколько пожелаете.

Так, сопровождая Альенде, мы побывали в чилийской глубинке. Везде президента ожидали тысячи людей, многие с детьми на руках. Он выступал на митингах трудящихся, подолгу беседовал с местными жителями. В свои 64 года Альенде поражал жизненной энергией и неистощимым энтузиазмом. В его мягкой улыбке угадывались и человеческая доброта, и радость от сознания того, что сейчас он с людьми, которые по-настоящему его понимают. Мы едва успевали перезаряжать кинокамеру и магнитофон.

В Арауко — главном городе одноименной провинции, густо населенной коренными жителями Чили индейцами мапуче, — Альенде подписал декрет об экономическом развитии этого региона, одного из самых бедных в Чили. На большом митинге он подтвердил, что проводимая в стране аграрная реформа возвратит индейцам земли, которые были отняты у их предков. В Лоте Альенде участвовал в открытии только что построенного дома отдыха для горняков национализированных угольных шахт. Поездка за-

Встреча президента Чили С.Альенде с советскими руководителями в Кремле. Декабрь 1973 г.

вершилась в Колькуре. Мы запечатлели на киноплёнку незабываемую сцену: Сальвадор Альенде с лопатой в руках закладывает символический камень первого в стране рыбного порта. Его должен был построить здесь на берегу Тихого океана Советский Союз.

ПРЕЗИДЕНТ ЧИЛИ ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

В декабре 1972 г. Альенде направился в Москву. Он стал первым чилийским президентом, посетившим с официальным визитом Советский Союз. В Кремле тепло принимали необычного политического деятеля левой ориентации. О себе Альенде говорил, что он верит в основы марксизма, но не является крупным теоретиком. Он никогда не был коммунистом. В начале 30-х годов XX в. Альенде стоял у истоков Социалистической партии Чили. Тогда ее учредители заявили о независимости от каких бы то ни было идеологических центров в отличие от компартии, ориентировавшейся на Москву. Но Альенде был сторонником союза этих политических сил. Поэтому он выступал против антикоммунистических настроений в соцпартии, за совместные действия, видя в этом путь к успеху. Альенде внес не-

малый вклад в то, чтобы сотрудничество двух партий стало основой широкой левой коалиции. Это и привело к победе на президентских выборах 1970 г. кандидата блока Народное единство.

Однако настоящего единения между входившими в блок шестью левыми партиями не было, в том числе между его ведущими силами — социалистами и коммунистами. Между всеми ими существовали разногласия в толковании марксизма. Не было общего представления о социализме и конкретных путях продвижения к нему в Чили. Радикально настроенные деятели PSCh требовали от президента «немедленных революционных действий», не считаясь с «буржуазной конституцией». Компартия в целом поддерживала курс на мирный переход к социализму и предпочитала называть его «невооруженным путем». В отличие от Альенде коммунисты считали, что на определенном этапе революционных преобразований не избежать диктатуры пролетариата. Серьезные идеологические разногласия между участниками левой коалиции ослабляли ее. К тому же у самого президента не хватало твердости в сдерживании экстремистских групп как внутри Народного единства, так и вне его. А их действия по установлению «революционной законности» наносили непоправимый ущерб имиджу правительства.

Еще до избрания президентом Альенде дважды побывал в Советском Союзе. Став главой государства, он взял курс на развитие отношений с СССР. Альенде высоко ценил самоотверженные усилия советского народа, сделавшего за короткое время колоссальный рывок в развитии своей страны и превращении ее в великую державу. Он неоднократно отмечал большую значимость поддержки, оказываемой Советским Союзом освободительным движениям и особенно мужественному Вьетнаму, стойко сражавшемуся против американской агрессии. Однако в политике Кремля Альенде одобрял далеко не все. В 1968 г. войска стран Варшавского договора при решающем участии Советского Союза вторглись в Чехословакию. По миру прокатилась волна протестов против действий СССР, достигла она и Чили. Тогда чилийские коммунисты организовали круглосуточное дежурство вокруг советского посольства в Сантьяго, чтобы защитить его от нападений и провокаций. В отличие от коммунистов симпатии к Советскому Союзу не подавили в Альенде независимого, самостоятельно мыслящего политика и человека. Он выступил в верхней палате парламента от имени Социалистической партии с жесткой критикой военного вмешательства Москвы во внутренние дела Чехословакии, где идеологи «пражской весны» провозгласили курс на «обновление социализма и «придание ему «человеческого лица». Для Альенде не могло служить примером то, что в Советском Союзе ограничены гражданские права людей и разрешена деятельность лишь одной партии — коммунистической. В Чили Альенде хотел совместить социализм и свободу, продвигаться к созданию нового общества в условиях идеологического и политического плюрализма, соблюдая существующие законы. Не все в Народном единстве соглашались с таким подходом, не совпадавшим с ленинскими положениями.

Президент Чили и первая леди отвечают на приветствия сторонников Народного единства

Однако Альенде считал оправданным и путь вооруженной борьбы в тех латиноамериканских странах, где не оставалось иной возможности. У себя же на родине ему казался вероятным другой путь. Его открывали, по его мнению, давние конституционные и демократические традиции страны, организованность и сознательность рабочего класса. За это радикально настроенные левые деятели называли Альенде «доверчивым гуманистом».

В своем первом послании Национальному конгрессу новый президент так сформулировал особенности «чилийского пути»:

«Чили сегодня — первая страна на земле, призванная претворить в жизнь вторую модель перехода к социалистическому обществу... Основное предварительное условие — определить с учетом существующих институтов новую форму социалистического переустройства общества в условиях плюрализма и свободы. Эта задача необычайно сложна, ибо еще не было прецедента, который мог бы служить для нас примером. Мы идем по новому пути, мы идем по неизведанному пути, и у нас нет проводника; единственным нашим компасом является верность идеям гуманизма всех эпох и, в частности, марксистским идеям гуманизма... Народ Чили продолжает борьбу за политическую власть в условиях, когда нет необходимости прибегать к оружию. Наш народ закономерно стремится пройти этот переход к социализму так, чтобы не обращаться к авторитарным формам правления»¹.

Вся семья президента в сборе

В Москву Альенде поехал не на поклон Кремлю, а в надежде получить экономическую помощь. Она была крайне необходима Чили, которая переживала большие трудности не только из-за саботажа проводимых преобразований со стороны сильной и организованной оппозиции. Был и весьма ощутимый внешний фактор. Вашингтон через свои компании прибег к бойкоту на международном рынке чилийской меди — основного источника валютных доходов страны и заморозил счета чилийского государства в банках США. В Москве были достигнуты важные для Чили договоренности об оказании экономической помощи. Однако материальная поддержка Советского Союза не была такой же щедрой и весомой, как та, что оказывалась им коммунистической Кубе. Все дело в том, что Москва занимала осторожную позицию в отношении правительства Народного единства, так как не было ясного представления, к чему может привести мирный путь построения социализма в рамках «представительной демократии». У экспертов из разведки не было уверенности в том, что левый президент Чили продержится у власти весь шестилетний конституционный срок, о чем они и информировали советское руководство.

Для подобных сомнений были весомые основания. На выборах Альенде получил лишь относительное большинство голосов — чуть выше 36%, незначительно опередив основного соперника. Положение осложнялось еще и тем, что левая коалиция не обладала всей полнотой власти. В ее руках был только исполнительный орган — правительство во главе с президентом. А в конгрессе (чилийский парламент), принимавшем законодательные решения, большинство мест принадлежало оппозиции — Христианско-

Беатрис Альенде трагически ушла из жизни четыре года спустя после смерти отца

демократической (Partido Demócrata Cristiano, PDC) и Национальной (Partido Nacional, PN) партиям. Это были различные по своим политическим устремлениям объединения. Крайне правая PN выступала против перемен. В отличие от нее христианские демократы были умеренными реформаторами, но оставались идеологическими оппонентами марксистского правительства. Власть вела с ними диалог, президент готов был идти на уступки, но переговоры зашли в тупик во многом из-за непримиримой позиции радикально настроенного крыла PSCh. Самому Альенде не хватало твердости для сдерживания экстремистских групп внутри и вне Народного единства. Из-за внутренних противоречий Народное единство так и не смогло нормализовать отношения с PDC — ведущей силой оппозиции. А от ее действий в парламенте зависело многое.

Политически разношерстная оппозиция выступала в конгрессе общим фронтом, отвергая правительственные инициативы и блокируя преобразовательную деятельность Народного единства. Правительство вынуждено было действовать на основе президентских декретов и старых законов. Но основные реформы надо было проводить через парламент. Одним из ключевых пунктов программы Народного единства было создание трех секторов экономики — общественного, частного и смешанного. Однако законопроект о создании трех секторов экономики так и не прошел через конгресс. По существу в Чили установилось двоевластие. Оно вылилось в непрерывное противоборство между парламентом и правительством, вызывая дестабилизацию политической жизни и дезорганизацию экономики. В стране стали ощущаться перебои со снабжением населения продовольствием и товарами первой необходимости. Все это провоцировало опасное брожение среди военных, ратовавших за «наведение порядка». В общем перспективы «чилийского пути» оставались весьма неопределенными.

После возвращения Альенде из Москвы мне передали просьбу тогдашнего главного редактора журнала «Латинская Америка» С.А.Микояна взять интервью у президента Чили о результатах его визита в Советский Союз. В Москве это не получилось из-за плотного графика переговоров и встреч высокого чилийского гостя. Я оставил вопросы для президента в Секретариате по печати главы чилийского государства. Одновременно пояснил, что мне хотелось бы записать ответы президента на магнитофон также для Московского радио, которое я представляю в Сантьяго. Меня заверили, что все будет в порядке. Наконец, меня пригласили в «Ла Монеда». Я приехал с репортерским магнитофоном, рассчитывая сделать запись интервью президента. Однако мне вручили напечатанные на машинке ответы. Встреча с президентом не состоялась. Судя по всему, в секретариате или забыли о моей просьбе, или не придали значения тому, что для радио нужен живой голос.

Президент положительно оценил результаты своего визита в Москву, который, по его словам, стал «не только подтверждением уз дружбы, соединяющих наши страны, но и мощным стимулом для дальнейшего развития отношений в наших общих интересах». Ответил Альенде и на вопрос: «Каким Вам видится будущее Чили и Латинской Америки?». В частности, он сказал: «Жизнь показывает, что капиталистическая система не дает возможности развивающимся странам решать назревшие проблемы. Мы избрали формулу, соответствующую нашей действительности. Каждая латиноамериканская страна должна найти свою формулу, наиболее отвечающую ее политическим, экономическим и социальным условиям»².

Любопытной оказалась судьба заключительной фразы интервью: «Именно такой путь — на основе идеологического плюрализма, определяющего сегодня наши отношения, позволит нам сказать свое слово на континенте»³. Позже я вставил это интервью в свою книгу «Чилийские репортажи». Но редактор усмотрел в последней фразе чуть ли ни крамолу, во всяком случае что-то отклоняющееся от марксистско-ленинских подходов. Я пытался возражать: ведь это уже давно прошло в эфир, напечатано в журнале «Латинская Америка». Я даже прибег к таким аргументам: Альенде социалист, а не коммунист; это же его взгляд, а не КПСС. Все мои усилия были напрасны. Редактор перестраховался и снял последнюю фразу. «Вера в плюрализм и привела Альенде к поражению», — пояснил он. Но в примечании (опять же из-за перестраховки) написал: «Полный текст интервью был опубликован в журнале «Латинская Америка», № 2, 1973 г.». Словом, это были обычные издержки редакторской работы советского времени.

Пришлось мне обратиться к Альенде и по другому поводу. Первого мая 1973 г. стало известно, что президенту Чили присуждена Международная Ленинская премия мира. В тот день рано утром меня разбудил телефонный звонок из Латиноамериканской редакции Московского радио: «Просим сегодня же взять короткое интервью у нового лауреата». Я срочно поехал на первомайский митинг у президентского дворца, в котором участвовал Альенде. Обратился за помощью к Фриде Модак. Она сказала, что сейчас нет возможности поговорить с президентом, однако можно испробовать дру-

Дочь Альенде Кармен Пас участвует в гашении почтовых конвертов в честь столетия со дня рождения С.Альенде

гой путь. «Давайте сделаем так, — пояснила свою задумку Фрида. — После митинга президент покинет дворец через боковые двери, выходящие на улицу Моранде. Мы предупредим о вас охрану. Так что вы остановите президента прямо у выхода. Не смущайтесь. Он поймет вас и вашу настойчивость».

Я встал у выхода из дворца. На ремне через плечо — репортерский магнитофон. В руках — микрофон. Открылась дверь, и сначала появились охранники, взявшие меня в полукруг у двери со словами: «Включайте микрофон. Президент идет».

Увидев на пороге Альенде, я поднял микрофон и выпалил:

— Товарищ президент, пожалуйста, скажите несколько слов для Московского радио по поводу вашего награждения Международной Ленинской премией мира.

Я встал у выхода из дворца. На ремне через плечо — репортерский магнитофон. В руках — микрофон. Открылась дверь, и сначала появились охранники, взявшие меня в полукруг у двери со словами: «Включайте микрофон. Президент идет».

Увидев на пороге Альенде, я поднял микрофон и выпалил:

— Товарищ президент, пожалуйста, скажите несколько слов для Московского радио по поводу вашего награждения Международной Ленинской премией мира.

Президент улыбнулся и одобрительно кивнул головой. Расходившиеся участники митинга мгновенно окружили нас. Охрана президента, взявшись за руки, образовала кольцо, сдерживая разрастающуюся толпу. Все слушали, как говорит Альенде. Он назвал присуждение ему премии «необычно-

Дочь С.Альенде Исабель с президентом Чили Мишель Бачелет

венно высокой честью и признанием усилий народа Чили». Президент говорил о преобразованиях в своей стране. Я поблагодарил Альенде за интервью. Президент снова улыбнулся, пожал мне руку и заспешил к ожидавшей его машине. Охрана сдерживала напор толпы, которая расходилась после митинга и скандировала лозунг тех дней: «Альенде, Альенде! Народ тебя защищает!».

Тогда из-за волнения я забыл задать президенту заранее подготовленный вопрос: как он распорядится премией? Потом узнал: Альенде решил передать денежное вознаграждение на создание медицинского центра для чилийских детей. Благородному намерению президента уже не суждено было сбыться.

ПОСЛЕДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ АЛЬЕНДЕ К ЧИЛИЙЦАМ

Все три года правления левой коалиции Альенде стремился избежать кровопролития и гражданской войны, действуя в рамках закона. Он рассчитывал на постепенное завоевание левой коалицией большинства мест в конгрессе и последующее изменение конституции. Выборы в марте 1973 г. увеличили представительство Народного единства в конгрессе, но снова не принесли ему большинства (левые собрали 44% голосов). А это означало, что затянувшийся конфликт между исполнительной и законодательной властью оставался нерешенным и был чреват новыми потрясениями. Немногочисленная группа генералов-конституционалистов во главе с командующим армией Карлосом Пратсом поддерживала правительство Народ-

ного единства вовсе не потому, что оно стремилось к социализму, а лишь потому, что оно было законно избранным. Пратс говорил, что он не разделяет марксистскую идеологию президента, однако конституционная власть имеет право осуществлять свою программу демократическим путем. Но в чилийской армии преобладали консервативный дух и прусские традиции, было много явных и скрытых противников Альенде. В августе 1973 г. им удалось добиться ухода в отставку Пратса и его ближайших сподвижников — генералов М.Сепульведы и Г.Пикеринга, занимавших важные должности в вооруженных силах. Президент назначает командующим генерала Пиночета, которому доверял, как и бывший командующий. У обоих нет сомнения в преемнике: Пиночет — надежда на примирение в армии. Но с его назначением Альенде и Пратс, не ведая того, сами подписали себе смертный приговор. Ошибкой Альенде было не только персональное назначение Пиночета командующим армией. Подвела общая чрезмерная вера в доктрину «аполитичного профессионализма» вооруженных сил, в их приверженность конституции. В результате Народное единство оказалось неподготовленным к противодействию перевороту.

Альенде до последнего момента стремился предотвратить выступление военных, видя, как вооруженные силы выходят из-под контроля. Он ищет правовую возможность бескровного преодоления опасного кризиса власти и решает без промедления провести плебисцит для урегулирования конфликта между правительством и парламентом, который завел страну в тупик. Свое решение глава государства доводит до военного совета Вооруженных сил, а обнародовать его собирался 11 сентября. Но было уже поздно. Генералы-заговорщики действовали на опережение: рано утром 11 сентября вспыхнул мятеж. Можно представить, какие тяжелые чувства охватили Альенде, когда он узнал, что военный переворот возглавил генерал Пиночет, притворившийся конституционалистом и клявшийся в верности закону. Теперь глава государства оказался перед лицом чудовищного предательства.

Никогда не мог подумать, что последний раз мне доведется записывать на магнитофон выступление Альенде в трагических обстоятельствах. Утром 11 сентября 1973 г. за завтраком я слушал музыкальную передачу, с которой для многих чилийцев обычно начинался новый день. И вдруг всеми любимая программа прервалась на лирической мелодии. В эфир вторгся бравурный марш и голос незнакомого диктора: «В эфире — объединенная сеть вооруженных сил и карабинеров. Сформированная ночью правительственная военная хунта потребовала от президента немедленно сложить его высокие полномочия. Во избежание невинных жертв жителям Сантьяго оставаться в своих домах до особого распоряжения...».

Лихорадочно кручу ручку радиоприемника, мгновенно присоединив к нему магнитофон для записи. У меня перехватило дыхание, когда на волнах радиостанции «Магальянес» я услышал голос Сальвадора Альенде из осажденного путчистами президентского дворца «Ла Монеда»: «Соотечественники! Наверное, это моя последняя возможность обратиться к вам... Перед лицом этих со-

бытий мне остается сказать трудящимся: я не уйду в отставку. На этом перекрестке истории я готов заплатить жизнью за доверие народа»⁴.

Я слушал президента в оцепенении и одновременно записывал на магнитофон его последнее обращение к чилийцам. Альенде говорил уверенно, хотя фоном его выступления были звуки боя — взрывы и автоматные очереди. Это усиливало драматизм его речи. С поразительным самообладанием президент продолжал: «И я уверен — моя гибель не будет напрасной. Я уверен, что она, по крайней мере, будет моральным уроком и наказанием вероломству, трусости и предательству...»⁵.

Через несколько минут радио «Магальянес» смолкло на полуслове. Вместе с горсткой мужественных защитников «Ла Монеда» Альенде вступил в неравный бой с путчистами, зная, что не выиграет его, но уверенный в своей моральной победе. Как станет потом известно, президент занимал боевую позицию у окна на втором этаже и стрелял из автомата по атакующим мятежникам. И лишь после того, как самолеты хунты бомбили «Ла Монеду» и в бой вступили танки, дворец пал. В него ворвалась пехота. В Салоне Независимости на втором этаже солдаты нашли бездыханное тело президента. На следующий день хунта сообщила о самоубийстве Альенде. И хотя тогда трудно было поверить утверждения военных властей, это оказалось горькой правдой. За считанные минуты до падения «Ла Монеда» президент действительно покончил с собой. Он поступил как человек чести. Капитуляции перед путчистами Альенде предпочел смерть в президентском дворце. Он пробыл на посту главы государства три года — лишь половину положенного срока. «Доверчивый гуманист» Альенде проповедовал мирный путь перехода к социализму, а погиб с автоматом в руках, защищая свой конституционный мандат.

После падения «Ла Монеда» в стране были введены осадное положение и комендантский час. Начались повальные облавы, обыски и аресты. Жуткие, в прошлом неведомые чилийцам сцены разыгрывались по утрам на улицах Сантьяго. Машины объезжали город и подбирали трупы людей, убитых после ареста, погибших при попытках пробраться ночью в иностранные посольства.

13 сентября военные власти впервые на полдня отменили комендантский час, и я сразу поехал в наше посольство, чтобы на всякий случай оставить там на хранение запись последнего обращения Альенде к народу. Моя предосторожность была не напрасной. Уже через три дня после захвата власти хунта Пиночета публикует официальное заявление с обвинениями в адрес Московского радио за «распространение недостоверной информации». А 16 сентября полицейские, вооруженные автоматами, совершили налет на мою квартиру, где все перерыли и перевернули. После обыска и погрома меня арестовали как корреспондента Московского радио, которое «ведет в передачах на испанском языке античилийскую пропаганду». Меня с завязанными глазами посадили в машину на заднее сидение между двумя автоматчиками и увезли в тюрьму в районе Нуньоа. Закрывая на ключ дверь камеры с оконцем

У гроба Ортенси Бусси де Альенде: тогдашний президент Чили Мишель Бачелет, дочери Альенде Исабель и Кармен, экс-президенты Патрисио Эйлвин и Рикардо Лагос

под самым потолком, надзиратель с издевкой сказал: «Так Вы не знаете, за что арестованы? Как это у вас, русских, говорится — за революцию».

Глубокой ночью под охраной вооруженных полицейских меня повели на допрос. В просторном кабинете за большим столом, на котором лежали стопка папок и автомат, сидел гладко выбритый, с аккуратной прической мужчина в штатском. Инспектор Паредес, как он отозвался на один из телефонных звонков, старался показать себя цивилизованным человеком и был в меру вежлив со мной. Вопросы сыпались, как из рога изобилия. Но больше всего моего собеседника интересовало, откуда и как Московское радио получает столько информации о Чили и передает ее на испанском языке. Я сказал, что к этому не имею отношения и напомнил, что 11 сентября телефонная связь с внешним миром была прервана, а на телетайпные сообщения введена строгая цензура, которая делала работу наших корреспондентов в Сантьяго бессмысленной. Инспектор Паредес явно пытался вырвать у меня «признания», которые можно было бы использовать как предлог для дискредитации советских журналистов. Предлог, который он, естественно, не мог найти, — мне нечего было скрывать. Только благодаря настойчивым усилиям нашего посольства я был освобожден из тюрьмы. На прощанье следователь сказал мне: «Мы еще будем расследовать то, что вы сказали».

Встревоженный моим арестом и последовавшими затем налетами военных на корреспондентские пункты ТАСС и АПН посол А.Басов предложил

всем нашим журналистам переместиться в советские представительства. Я перебрался в здание экономической миссии. Здесь узнал, что наше правительство прервало дипломатические отношения с Чили и отзывает из страны посла и весь персонал посольства, считая невозможным их дальнейшее пребывание в стране, где свергнуто законное правительство и развязаны репрессии против его сторонников.

По чилийской конституции, в случае ухода со своего поста главы государства его обязанности до новых выборов возлагались на председателя сената. Им был лидер христианских демократов Эдуардо Фрей Монтальва. Но хунта и не думала передавать ему бразды правления даже временно. Более того, военные, реквизируя государственные автомобили для передачи их офицерам армии, не сделали исключения и Фрею. Они изъяли персональную машину председателя сената. Уже бывшего. Хунта объявила о роспуске парламента и всех партий, в том числе оппозиционных правительству Альенде. Военные не скрывали, что они взяли власть надолго и не собираются ни с кем ею делиться. Преследования обрушились не только на Народное единство. Деяния хунты дорого стоили множеству ни в чем не повинных людей, в том числе далеких от левых убеждений. Только теперь и в Народном единстве, и среди христианских демократов начали по-настоящему осознавать, как необходим был в недалеком прошлом поиск взаимопонимания и разумного компромисса. Но уже было поздно. Расплачиваться пришлось всем и дорогой ценой — почти 17-летним господством военной диктатуры.

Незадолго до отъезда из Сантьяго я заехал в свою квартиру, чтобы взять кое-какие вещи и рабочие материалы. Увы! Уже в мое отсутствие сюда еще раз наведались непрошенные гости из полиции и заставили смотрителя дома уничтожить оставшиеся магнитофонные записи и книги. Он сжигал их во внутреннем дворике дома под наблюдением полицейских. При этом, как мне рассказал смотритель, «стражи порядка» вспоминали, о чем в эти дни сообщало Московское радио.

Я улетаю из Сантьяго через две недели после переворота вместе с последней группой наших дипломатов и специалистов. В аэропорту началась проверка документов и тщательный осмотр вещей. Но таможенники и полицейские не осмелились прикоснуться к дипломатической почте нашего посольства. А с ней я отправлял запись последнего обращения Альенде к соотечественникам. Потом оно прозвучит в Москве в программах радио и телевидения, и Московское радио донесет его до всего мира на всех языках своего вещания. Эта запись хранится в «золотом фонде» «Голоса России», как и другие выступления и интервью Альенде.

«СЛУШАЙ, ЧИЛИ!»

Вскоре после военного переворота в Чили на волнах Московском радио зазвучала передача «Слушай, Чили!». Работали над ней в основном чилийские эмигранты и несколько советских журналистов. Из новой передачи чилийцы узнавали то, что замалчивала подцензурная печать на их родине. Потом стало известно, что

разбросанные по всему миру чилийцы слушали эту программу в 47 странах, даже в далекой Австралии. Чилийские коллеги сумели наладить оперативную доставку информации из Сантьяго через соседние страны. Это были люди искушенные в своей профессии, известные у себя на родине публицисты. Свои политические памфлеты они писали так, будто каждый раз выпускали заряд динамита по фашизму. Часто достоянием передачи «Слушай, Чили!» становились сведения, вызывавшие особое раздражение хунты. Так уже в октябре 1974 г. Пиночет заявил на заседании правительства: «Установлено, что наши конфиденциальные материалы передаются по Московскому радио. Господа министры должны предпринять меры для пресечения утечки информации»⁶.

Московское радио продолжало разоблачать злодеяния хунты, доносило до чилийцев слово солидарности. Известны случаи, когда только одна информация Московского радио об аресте того или иного противника диктатуры спасала ему жизнь или приводила к освобождению. Дело в том, что аресты осуществлялись скрытно, тайно, по ночам. О них ничего не сообщалось. Люди просто пропадали. Но сведения, переданные родственниками и друзьями задержанных, через различные каналы попадали в гуманитарные организации и в эфир Московского радио, заставляя хунту оправдываться, отвечать на запросы международных организаций. Популярность передачи «Слушай, Чили!» была столь велика, что знаменитый чилийский ансамбль «Килапаюн» сочинил песню под названием «Как и ты, я слушаю Москву».

Адмирал Патрисио Карвахаль, в бытность свою министром иностранных дел, сделал весьма «красноречивое» признание: «Московское радио причиняет нам больше вреда, чем это может сделать весь мир»⁷. Хунта пыталась глушить передачи из Москвы, но из этого ничего не получилось. Военные правители публиковали протесты, распространяли «обвинительные» документы в ООН, обращались с жалобами в Госдепартамент США в связи с «подрывной деятельностью» Московского радио.

Уже в 2002 г. я пригласил на «Голос России» бывшего чилийского президента Эдуардо Фрея Тагле (второй гражданский глава государства после ухода Пиночета). Известный политик с удовольствием согласился выступить у нашего микрофона. При этом он выразил желание побывать в студии, где записывалась передача «Слушай, Чили!». Мы вошли в нее, хотя там начинался ремонт. Студия как студия, ничем не отличалась от других. Но отсюда на протяжении шестнадцати с половиной лет выходила памятная для чилийцев программа на испанском языке. Бесперебойно — каждый день по три часа. Она была большой моральной поддержкой чилийцам и постоянной головной болью для хунты. Отмечая значение передачи «Слушай, Чили!» для страны в годы военного режима, Фрей сказал: «Московское радио стало частью нашей истории».

Следующей латиноамериканской страной, куда меня забросила журналистская судьба, стала Мексика. Но и там я не чувствовал себя оторванным от Чили. В стране ацтеков образовалась весьма многочисленная колония чилийских эмигрантов, бежавших от преследований на родине. Среди них оказалось немало моих давних знакомых. Политическое убежище получили здесь и видные деятели Народного единства. На гостеприимной мекси-

канской земле нашли приют и вдова погибшего президента Чили Ортенсиа Бусси де Альенде с дочерьми Кармен и Исабель. Старшая дочь Беатрис уехала в Гавану вместе со своим мужем — кубинским дипломатом.

Однажды мне позвонили из Дома Чили — организационного и культурного центра чилийской колонии в Мексике и попросили записать обращение Ортенсиа Бусси де Альенде к соотечественникам для передачи «Слушай, Чили!». Обращение было приурочено к очередной годовщине военного переворота. Потом я еще несколько раз делал в Мексике магнитофонные записи выступлений Ортенсиа Бусси де Альенде. Вдова президента рассказывала соотечественникам о международных актах солидарности с народом Чили, в которых она участвовала по приглашению видных общественных и политических деятелей разных стран.

Тогда в Мексике она поведала мне о том, как хоронили мужа после его гибели в осажденной путчистами «Ла Монеде». Это было сделано скоропалительно и под завесой секретности на следующий день после переворота. Хунта распорядилась провести погребение подальше от Сантьяго — на кладбище Санта-Инес около курортного города Винья-дель-Мар на берегу Тихого океана. Там за месяц до переворота была похоронена рядом со своим мужем Эдуардо Грове старшая сестра президента Инес. Теперь в семейном склепе Грове должен был обрести свое последнее прибежище Сальвадор Альенде. Провожали погибшего президента в последний путь лишь пять человек. Прощаться с Альенде было позволено его вдове, сестре Лауре, двум племянникам и адъютанту президента майору Санчесу. В середине дня 12 сентября их привезли на кладбище Санта-Инес, окруженное вооруженными пехотинцами и карабинерами.

«Я несколько раз просила офицера открыть гроб, чтобы попрощаться с мужем, прикоснуться к его останкам рукой, — рассказывала Ортенсиа Бусси де Альенде. — Мне было отказано. Уже перед тем, как опустить гроб в могилу, я взмолилась перед офицером. И он, наконец, отступил, дал знак открыть крышку гроба. Ее приподняли буквально на несколько мгновений. Но лица президента я не смогла увидеть, так как все его тело от головы до ног было скрыто под плотной мешковиной. Я заплакала. Потом у меня даже возникли сомнения: а был ли это Сальвадор Альенде...». Военные оправдывались тем, что нельзя было показывать обезображенную пулями голову президента.

Во время похорон произошел примечательный эпизод, о котором, наверное, из скромности, Ортенсиа Бусси де Альенде тогда не упомянула. А было так. После того как тело предали земле, вдова Альенде не выдержала и заговорила, обращаясь в первую очередь к рядовым военнослужащим, исполнявшим приказ. Никто из офицеров не осмелился прервать эту женщину. «Не забудьте, — сказала она, — вы хороните президента Чили. Здесь не произнесено ни одного слова, не проявлено ни одного знака, чтобы отдать дань уважения покойному президенту. Расскажите своим внукам то, что вы видели сегодня. Пусть никогда не забудут этот трагический для нашей родины час»⁸.

Ни о каких почестях не могло быть и речи. Опечатанный гроб даже не был покрыт национальным флагом, как это подобает при прощании с гла-

вой государства. Военные не разрешили поставить на могиле плиту с именем того, кто здесь покойся.

Днем раньше дочери Альенде Беатрис и Исабель простились с еще живым отцом в осажденной путчистами «Ла Монеде», сознавая, что он остается на верную смерть. Они появились в президентском дворце рано утром после первых известий о военном мятеже. Случилось так, что в начале 1976 г. мне довелось встретиться с Беатрис в Мехико, куда она прилетела из Гаваны на встречу чилийских социалистов в изгнании. Извинившись за причиняемую боль, я попросил ее рассказать о прощании с отцом в «Ла Монеде» для слушателей Московского радио. Беатрис заплакала. Прошедшие годы не залечили рану невозвратимой потери. Я снова извинился. Когда Беатрис успокоилась, запись все-таки состоялась. Я запечатлел на магнитофонную пленку свидетельство о последней встрече Альенде со своими дочерьми. Это было незадолго до начала бомбардировки «Ла Монеды». Вот этот драматический рассказ:

«Отец сразу попросил нас, чтобы мы немедленно покинули дворец. Он пояснил, что наше самопожертвование не имеет смысла. Отец ясно осознавал, что через несколько часов боя «Ла Монед» будет захвачена военными. Сказал, что он не уступит требованиям путчистов и не сложит свои конституционные полномочия президента. С ним остаются лишь мужчины, умеющие обращаться с оружием. Отец был озабочен тем, что может произойти с его частной резиденцией на улице Томаса Мора, где находилась наша мать. Он также был обеспокоен ситуацией вокруг кубинского посольства, которое уже окружили мятежники. В эти минуты он вспомнил Фиделя Кастро. Передайте ему, сказал отец, что президент Чили был тверд в выполнении своего долга. Несмотря на все, мы хотели остаться рядом с ним, не покидать «Ла Монеду». Мы объяснили ему наше решение так: если мы выйдем из дворца, нас схватят военные и превратят в заложников, требуя, чтобы президент сдался. Мы считали такой шантаж со стороны мятежников вполне вероятным. «В любом случае знайте, — сказал отец, — даже если вас схватят, я все равно не сдамся». Он потребовал от нас выполнения его просьбы с такой настойчивостью, что мы в конечном счете поняли: у нас нет другого выхода, кроме как покинуть дворец. Он проводил нас до дверей, сам открыл их. Перед уходом мы уже не обменялись ни словом. Но его глаза говорили нам все. Он только поцеловал нас и ничего больше...».

Перед этим Альенде связали по телефону с генералом Базсой, и президент произнес только одну фразу: «Сейчас из дворца выйдут женщины. И хотя я знаю, что вы — предатель, тем не менее надеюсь, сумеете с уважением отнестись к ним»⁹.

Перед налетом авиации танки и пехота отошли от дворца, перестрелка стихла. Помню, «Сеть вооруженных сил и карабинеров», уже безраздельно господствовавшая в эфире, известила: «Четыре женщины — служащие «Ла Монеды» и две дочери президента покинули дворец. Вышла также группа мужчин — гражданских сотрудников президента с поднятыми руками».

Те, кто не покинул дворец и решил остаться рядом с Альенде, знали, что вызывают огонь на себя. Где-то в полдень радиоволны донесли взрывы

ракет, пущенных с самолета по президентскому дворцу. Но и после воздушной атаки огонь из «Ла Монеда» возобновился. Бой продолжался в сущем аду — огонь, дым и слезоточивые газы. До гибели президента оставалось меньше двух часов.

Беатрис так и не смогла оправиться от того трагического дня. Она глубоко переживала, что не было надежды на скорое возвращение на родину. Четыре года спустя она, как и отец, покончила с собой. Это случилось в Гаване в октябре 1977 г. Ее сестры Исабель и Кармен дождались дня освобождения Чили от диктатуры Пиночета и вместе с матерью вернулись на родину. 17 лет спустя после смерти Альенде они участвовали в церемонии перезахоронения тела отца. До прихода к власти гражданского правительства прах Альенде продолжал безымянно покоиться в могиле на кладбище в Винья-дель-Мар. 4 сентября 1990 г. стал днем прощания с погибшим президентом, когда, наконец, ему были возданы все почести, положенные главе государства. Гроб с останками Альенде, покрытый национальным флагом, перевозили в Сантьяго на артиллерийском лафете. Отпевали президента по католическому обряду в Кафедральном соборе с участием архиепископа. Вокруг собралась огромная толпа, слушавшая отпевание через установленные на улице громкоговорители.

При большом стечении народа, в присутствии членов правительства и главы государства Эйлвина прах Альенде был погребен на Центральном кладбище Сантьяго, где покоятся многие чилийские президенты. На церемонию перезахоронения был приглашен и корреспондент Московского радио Геннадий Сперский, который на протяжении почти 17 лет вместе с чилийским писателем Хосе Мигелем Варасом руководил творческой группой программы «Слушай, Чили!».

Передача перестала выходить в эфир в 1990 г. — сразу после падения режима Пиночета. Это совпало со временем больших перемен в нашей стране. После распада Советского Союза кардинально меняется лицо радиовещания на зарубежные страны. На смену идеологизированному Московскому радио пришел «Голос России», ставший рупором нового, демократического государства. Конечно, в современных условиях передачи на коротких волнах уже не имеют того значения, что раньше. И чилийцы нынче больше обращаются к Интернет-вещанию «Голоса России», как и остальные слушатели в Латинской Америке. Но память о передаче «Слушай, Чили!» жива. В музее памяти в Сантьяго ей отводится почетное место.

Уже 1 июля 2009 г. Национальная коллегия журналистов и другие общественные организации Чили провели в Сантьяго вечер памяти диктора Екатерины Олевской — бессменного ведущего передачи «Слушай, Чили!». Голос Кати, как ее называли слушатели, на протяжении почти 17 лет звучал в эфире и стал родным для многих чилийцев. На вечере было зачитано послание тогдашнего президента Чили Мишель Бачелет. В нем, в частности, говорилось: «Дорогие друзья! Я хочу принять участие в сегодняшнем акте памяти Кати Олевской. Как и у огромного числа чилийцев, этот голос вызывает у меня волнение. Он вспоминается нам, как луч света в царстве страха. В те дни, когда нам было отказано в праве думать по-своему, голос

Кати говорил нам, что мы не одиноки. И для тех, кто оставался в Чили, и для тех, кто был в изгнании, диктор Московского радио Катя Олевская была глашатаем наших общих чаяний, нашей скорби, нашего духа сопротивления. Эту радиостанцию тогда шепотом называли «первым радио Чили». Да, в те черные дни были светочи, которые вели нас вперед, поддерживали. Одним из них было Московское радио...» (испанский текст послания М.Бачелет получен от организаторов вечера памяти Екатерины Олевской).

В 2007 г. мы получили примечательное письмо от дочери президента Альенде Исабель на бланке палаты депутатов чилийского парламента. Ныне она сенатор, а в те годы была депутатом (в 2003—2004 гг. — председателем палаты депутатов).

«В связи с 75-летием испанского вещания «Голоса России», бывшего «Московского радио», примите наши сердечные поздравления, которые прошу передать всему коллективу вашей радиостанции. Чилийцы никогда не забудут важную роль в деле солидарности с нашей страной, которую во времена диктатуры Пиночета играло Московское радио благодаря своей программе «Слушай Чили». Вы разоблачали грубейшие нарушения прав человека, информировали о движении солидарности в мире с нашей борьбой за восстановление демократии, поддерживали силы, оппозиционные диктатуре. Десятки тысяч чилийцев следили за сообщениями Московского радио в годы, когда у нас были попорчены все свободы. В то же время нам, политическим руководителям, артистам и интеллектуалам, Московское радио предоставляло возможность выступать у его микрофона и разоблачать перед мировым общественным мнением преступления диктатуры и доносить наше слово солидарности и поддержки до тех в Чили, кто противостоял военному режиму. От себя лично благодарю «Голос России» за то, что вы храните память о моем отце Сальвадоре Альенде. За то, что в своих специальных программах вспоминаете его правительство и говорите о нем самом как о человеке, подтвердившем своей гибелью последовательную верность идеалам, которым служил».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.Альенде. История принадлежит нам. М., 1974, с. 113, 119—120.

² Латинская Америка, 1973, № 2, с. 10.

³ Там же.

⁴ С.Альенде. Указ. соч., с. 378.

⁵ Там же, с. 380.

⁶ Голос, знакомый всему миру. М., 2009, с. 166.

⁷ Там, с. 167.

⁸ F. A l e g r í a. El paso de los gansos. Madrid, 1975, p. 18.

⁹ Л.Косичев, В.Низский. Колокола Чили. М., 1989, с. 20.